

V. Литература и печать.

Маркъ Твэнь — Селма Лагерлёфъ и сага. — Данная для будущей войны и выводы изъ нихъ.

Маркъ Твэнь. (Въ 70-ти-лѣтїю со дня рожденїя писателя). Онъ обязанъ своею славою одной особенноти: ему удалось уже рано постигнуть ту тайну, что подъ серьезною маскою взрослога человѣка можетъ скрываться лицо дитяти. Это былъ ключъ, которымъ Маркъ Твэнь открывалъ сердца своихъ многочисленныхъ читателей во всѣхъ уголкахъ земного шара. Благодаря этому же свойству, онъ могъ создать изъ незначительнаго матеріала (негръ Джимъ и уличнїй мальчишка Гекльбери Финнъ) благородныя литературныя фигуры. Маркъ Твэнь оставался всегда дитятею и остается имъ и до сегодняшняго дня; онъ изображаетъ природу въ ея созданїяхъ, какъ дитя, руководствуясь единственно инстинктомъ. Каждому ясно, что онъ дитя: онъ прожилъ всю свою жизнь съ наивною невинностью и говорилъ всегда правду, безъ всякаго слѣда злобы или преднамѣренности. Парижане были немало удивлены 10 лѣтъ тому назадъ, увидѣвъ Марка Твэна. Кто могъ бы предположить, что человѣкъ съ серьезнымъ, строгимъ лицомъ мыслителя обладаетъ неистощимо-веселымъ характеромъ, и подъ холодною внѣшностью скрывается жизнерадостный человѣкъ? Быть можетъ, Маркъ Твэнь своею стоическою внѣшностью говорилъ другимъ людямъ: «Вы, какъ и я, кажетесь серьезными людьми, морщите вашъ лобъ, держите гордо и высоко вашу голову, но все это ничего не означаетъ, такъ какъ каждый изъ васъ въ дѣйствительности повѣса, наклонный къ необузданнымъ выходкамъ и жаждущій общенїя съ природою».

Чудакъ, но безобидный и незлобный, забавникъ, способный во всякій моментъ разсмѣшить другихъ, фантазеръ, впрочемъ, никогда не теряющїй подъ собою почвы, бродяга и авантюристъ, остающїйся внѣстѣ съ тѣмъ съ головы до ногъ джентльменомъ, — вотъ кто знаменитый американскїй писатель Маркъ Твэнь, или же гражданинъ Самуель Клеменсъ (такова настоящая фамилія Твэна). Мы знаемъ достаточно о жизни писателя, чтобы понимать автора «Тома Савьера» и «Гекльбери Финна»; но если бы мы ничего не знали о дѣтствѣ и юности Твэна, то мы бы могли составить себѣ представленїе о его жизни по его же сочиненїямъ, настолько связаны у этого юмориста вымыселъ съ дѣйствительностью. Маленькій, тихій городокъ на Миссисипи, въ которомъ Томъ Савьеръ совершаетъ свои подвиги, — это мѣстечко во Флоридѣ, въ которомъ Маркъ Твэнь родился и гдѣ онъ, на горе родителей не поддавался воспитанїю; благочестивая, добрая г-жа Полли, тщетно пытающаяся сдѣлать изъ шалуна послушнаго ребенка, — его родная мать, никогда не терявшая вѣры въ свое дитя, несмотря даже на отчаянїе учителя и отца. Еще болѣе свѣдѣнїй о душевномъ мірѣ будущаго бездѣльника можемъ мы получить изъ того же «Тома Савьера», въ которомъ описываются не только внѣшнїя обстоятельства жизни, но и непреодолимое стремленїе къ свободѣ, мечты о какомъ то далекомъ мірѣ, неясныя предчувствїя тревожной будущности и какое-то сознанїе своихъ духовныхъ силъ. Маркъ Твэнь самъ рассказалъ намъ простымъ языкомъ, какъ онъ по смерти отца попалъ 12-ти-лѣтнимъ мальчишкой въ типографїю, въ теченїе 3-хъ

лѣтъ таскалъ воду изъ деревенскаго колодца, подметалъ помѣщеніе и разносилъ газеты; какъ послѣ этого онъ ушелъ съ 12-тью долларами въ Нью-Йоркъ, ища здѣсь счастья; какъ, разочаровавшись, онъ возвратился на Миссисипи и занялся ремесломъ лоцмана и, наконецъ, въ тихія ночи, подъ синимъ куполомъ неба, онъ открылъ свое призваніе, и какъ онъ взялъ свой писательскій псевдонимъ изъ области морскихъ выраженій (два фута глубины на лоцманскомъ языкѣ выражаются словами «mark twain» (двѣ мѣры)). Онъ недолго оставался лоцманомъ и началъ пытаться счастье на литературномъ поприщѣ. Его «Очерки» описываютъ дальнѣйшія неудачи въ жизни, работу на золотыхъ приискахъ и разныя включенія вмѣстѣ съ Брегъ-Гартомъ.

Въ теченіе десятковъ лѣтъ съ именемъ Марка Твэна было связано представленіе о знаменитой «Прыгающей лягушкѣ», подобно тому, какъ въ Англіи и Америкѣ при имени Шиллера до сегодняшняго дня думаютъ о «Разбойникахъ», какъ будто бы «Валленштейнъ» и «Вильгельмъ Телль» не были произведеніями этого же писателя. «Прыгающая лягушка» выказываетъ одну сторону таланта юмориста и самую замѣчательную его способность, именно даръ законченнаго изображенія. Нѣкій повѣса на золотыхъ приискахъ тренируетъ разныхъ животныхъ и между прочимъ лягушку и въ результатѣ предлагаетъ кому угодно держать пари, что эта лягушка превосходитъ всѣхъ другихъ въ искусствѣ прыганія. Повѣса выигрываетъ всѣ пари. Однажды онъ встрѣчается съ какимъ-то чужимъ для него человѣкомъ и предлагаетъ ему обычное пари. Незнакомецъ готовъ на пари, утверждая, что у знаменитой лягушки нѣтъ особенныхъ мускуловъ для прыганья. Владелецъ прыгающей лягушки уходитъ, чтобы принести изъ болота обыкновенную лягушку, а тѣмъ временемъ незнакомецъ всыпаетъ благородному прыгуну внутрь порядочную дозу свинца и такимъ образомъ выигрываетъ пари; когда взбѣшенный владелецъ узнаетъ о продѣлкѣ знакомаго, то послѣдній уже успѣваетъ скрыться. Вотъ весь сюжетъ разсказа, послужившаго для Марка Твэна вступленіемъ въ литературу и благодаря которому онъ занялъ мѣсто среди американскихъ юмористовъ. Неправда ли, это странно, но нужно имѣть въ виду, что разсказы Марка Твэна не могутъ быть пересказаны, такъ какъ онъ не шутникъ, а юмористъ. Онъ никогда не гнался за остротами или же за игрою словъ, несмотря на то, что игра словъ является однимъ изъ свойствъ англо-саксонскаго юмора; даже Диккенсъ, не создавшій ни одной остроты, пользуется иногда игрою словъ, Маркъ Твэнь же воздѣйствуетъ на читателя только юморомъ. Конечно, юморъ американскаго писателя не имѣетъ ничего общаго съ юморомъ, на примѣръ, нѣмецкаго писателя, и сравненія глубокомысленныхъ нѣмецкихъ остротъ съ американскими могли бы только увеличить популярность Марка Твэна.

«Юмористъ, — говоритъ Лазарусъ, — видитъ съ одной стороны въ дѣйствительной жизни невозможность осуществить идеаль, жизнь безсильна въ достиженіи идеальной цѣли, а потому человѣкъ связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ, надломленъ жизнью и вынужденъ смѣяться надъ самимъ собою; съ другой же стороны человѣкъ имѣетъ сознаніе, что онъ будто бы достигъ идеальнаго совершенства и вообще своихъ стремленій, хотя онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и признаетъ собственное несовершенство»...

Попытаемся примѣнить этотъ анализъ юмора къ знаменитой «Прыгающей лягушкѣ» или, еще лучше, остановимся на сценѣ, гдѣ Томъ Савь-

ерь получаетъ въ воскресной школѣ награду за познанія въ Библии. Послушайте, каково фактическое содержаніе. Наградой за два безошибочно произнесенныхъ библейскихъ стиха служилъ въ школѣ маленькій синій билетикъ, на которомъ было напечатано изреченіе изъ Библии. Десять синихъ билетиковъ можно было обмѣнить на одинъ красный, а десять красныхъ на одинъ желтый. За десять желтыхъ билетиковъ можно было получить отъ господина пастора маленькую, очень скверно перецелетенную Библию, стоившую, можетъ быть, 40 центовъ. Только самыя старшіе и наиболѣе прилежные ученики имѣли терпѣніе собирать такую массу билетиковъ, чтобы получить желанную награду. Повѣса и лѣнтяй возымѣлъ честолюбивое желаніе получить тоже такой знакъ отличія, не изъ-за ветхаго экземпляра Библии, но изъ-за церемоніи, связанной съ награжденіемъ. Но какъ было получить необходимые билетикъ? Вѣдь онъ не зналъ библейскихъ стиховъ; но зато у него въ карманахъ были разныя драгоценныя вещи, сладкое дерево, удочки, игрушки и другіе предметы. Всѣ эти вещи онъ удачно вымѣнивалъ усвоихъ товарищей на билетикъ, и въ результатѣ, въ день распредѣленія наградъ, онъ, къ ужасу пастора, получилъ въ присутствіи окружного судьи награду за свои познанія и прилежаніе. Судья былъ восхищенъ мальчикомъ, получившимъ премію, и пожелалъ изъ его устъ услышать хотя одинъ отвѣтъ. Былъ предложенъ вопросъ о томъ, кто были первые два апостола. У пастора упало сердце. Томъ Савьеръ началъ краснѣть, но такъ какъ господинъ судья съ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣта, то мальчикъ выпалилъ: «Давидъ и Голіаѳъ».

Примѣнима ли къ обоимъ этимъ рассказамъ Марка Твэна теорія юмора Лазаруса? Вы скажете, что это только пошло, тривиально и вульгарно, а между тѣмъ въ дѣйствительности вовсе не такъ. Первымъ элементомъ въ юморѣ Марка Твэна является человѣческая, слишкомъ человѣческая слабость—радоваться глупости и ограниченности другого человѣка, и наше удовольствіе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ рѣзче эта слабость, извращенность и грубость. Вѣдь мы, приличные, воспитанные люди, не желаемъ зла другимъ! Мы пришли бы въ ужасъ, если бы на нашихъ глазахъ изящный господинъ поскользнулся на грязной мостовсй и сломалъ ногу, но если его новый цилиндръ будетъ снесенъ вѣтромъ на грязную улицу и господинъ будетъ поднимать его съ печальною миною въ лицѣ, то мы не удержимся отъ смѣха. Но въ тотъ моментъ, когда мы смѣемся надъ печалью и неудачею другого человѣка, мы являемся необузданными шалопаями, не сдерживаемыми никакимъ альтруизмомъ; на одно мгновеніе мы чувствуемъ себя свободными отъ тѣхъ узъ, которыя въ теченіе тысячелѣтней общественной жизни человѣка сдерживали нашу прирожденную дикость.

Конечно, это лишь одинъ элементъ юмора американскаго писателя, и каждый можетъ искать въ его рассказахъ метафизическое противорѣчіе между идеей и дѣйствительностью; но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ достигаетъ грубыми средствами такихъ же грубыхъ эффектовъ, намъ незачѣмъ искать болѣе глубокихъ основаній и цѣлей. Это особенно бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда потерпѣвшій или обманутый говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ и самъ же смѣется надъ собою. Маркъ Твэнъ часто пользуется этою формою. Онъ пробуждаетъ въ насъ чувство радости къ неудачамъ и затрудненіямъ другихъ и какъ бы ставитъ насъ выше героевъ своихъ рассказовъ. Достаточно вспомнить о часахъ, шед-

шихъ правильно до того дня, когда ихъ взялъ въ свои безбожныя руки часовщикъ, о чловѣкѣ, жена котораго страшится молніи и дѣтскихъ болѣзней и т. п. Искусство представленія и картинности, конечно, — свойство великаго юмориста и въ этомъ отношеніи Маркъ Твэнъ — король юмористовъ. Въ трехъ строкахъ онъ набрасываетъ рѣзко очерченный образъ. И какую галерею портретовъ изъ современной американской жизни создалъ онъ въ теченіе сорока лѣтъ своей литературной дѣятельности! Въ ней представлены всѣ слои профессіи, всѣ темпераменты и всѣ карьеры, начиная съ величественнаго сенатора и кончая бѣднымъ негромъ.

И вотъ основаніе, почему Маркъ Твэнъ для неамериканцевъ ближе всѣхъ другихъ американскихъ юмористовъ, которые превосходятъ его остроуміемъ; въ Германіи, на примѣръ, ни одинъ англійскій или американскій писатель нашего времени не переводился и не издавался такъ часто, какъ Маркъ Твэнъ, который по своей гуманности, идеализму и мягкости является старомоднымъ господиномъ. Жаль, что пуританскій духъ, еще царившій въ домѣ родителей Марка Твэна, уже исчезаетъ. Пуританство создавало часто фанатиковъ, невыносимыхъ буквоѣдовъ — это вѣрно. Но пуританскій духъ произвелъ Линкольна, Эмерсона, Марка Твэна. Знаменитый юмористъ не выучилъ въ воскресной школѣ библейскихъ изреченій, но въ этой школѣ онъ воспріалъ библейскій идеалъ о дѣтяхъ Божіихъ, онъ проникся здѣсь вѣрою въ право и справедливость и съ этими идеалами прожилъ всю жизнь. Эти же идеалы служатъ въ странахъ англо-саксонскаго языка путеводною звѣздою въ жизни многихъ людей.

Утонченныя натуры относились враждебно къ преувеличеніямъ Марка Твэна, но это несправедливо, такъ какъ гиперболизмъ не есть существенная черта его юмора. Писатели, подобные Диккенсу и Марку Твэну, требуютъ въ жизни и въ изображеніи ея широкаго размаха. Диккенсъ и Твэнъ имѣли всегда влеченіе къ новымъ странамъ, они провели полжизни въ путешествіяхъ и оба очень преувеличивали. Диккенсъ осмѣиваетъ гиперболизмъ янки, не подозрѣвая въ немъ широкаго американскаго размаха, новѣйшіе американскіе писатели же не отличаются болѣе преувеличеніями, ихъ юморъ такъ тонокъ, что мы почти его не замѣчаемъ.

Сельма Лагерлёфъ и сага. Шведскій профессоръ Левертинъ написалъ этюдъ о Сельмѣ Лагерлёфъ. «Она, — говоритъ профессоръ, — удивительная литературная аномалія. Сельма Лагерлёфъ воскресила то, что считается уже давно отжившимъ и погребеннымъ, и это поэтическое воскрешеніе исчезнуващаго охватываетъ сердца всѣхъ».

Но развѣ можно считать аномаліею тотъ фактъ, что вновь является нѣкогда бывшее, считаемое нынѣ пережитымъ? Самое воскрешеніе забытаго доказываетъ, что мы слишкомъ рано стали считать устарѣвшимъ или пережитымъ то, что носитъ еще въ себѣ сѣмена жизни.

Однимъ словомъ, это воскрешеніе не аномалія, напротивъ, въ наше время мы видимъ во всемъ европейскомъ мірѣ возрожденіе прежней фантазіи.

И то обстоятельство, что именно женщина является выразительницей такой потребности воскрешенія, кажется намъ вполне естественнымъ. Мы всегда думали, что пробужденіе женщины знаменуетъ собою пробужденіе силъ и голосовъ, которые смолкли въ нашей культурѣ. И вотъ